

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНОВ: СОКРАЩЕНИЕ БЕДНОСТИ СРЕДИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ И СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ*

Людмила Павловна КОРОЛЕВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва (МГУ им. Н.П. Огарёва),
Саранск, Российская Федерация
korol.l@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8375-8524>
SPIN-код: 5336-2711

История статьи:

Рег. № 472/2020
Получена 11.08.2020
Получена в
доработанном виде
23.08.2020
Одобрена 16.09.2020
Доступна онлайн
15.10.2020

УДК 316.334.3:316.356.2

JEL: I32, I38, R23, R28

Ключевые слова:

бедность среди семей
с детьми,
стимулирование
рождаемости,
социальная политика,
регион, региональный
материнский капитал,
детские пособия

Аннотация

Предмет. Дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню рождаемости и материальному благополучию семей с детьми со средними доходами. Материнский капитал как аспект социальной политики регионов.

Цели. Обосновать приоритеты социальной политики субъектов Российской Федерации в условиях расширения федеральных мер поддержки семей с детьми на основе анализа зависимости между уровнем благосостояния семей и рождаемостью, разработать общие рекомендации для групп субъектов по ее совершенствованию в условиях бюджетных ограничений.

Методология. Применены общенаучные и экономико-статистические методы исследования.

Результаты. По данным за 2019 г. выполнен иерархический кластерный анализ субъектов Российской Федерации методом Варда по числу родившихся на 1 000 чел. населения и максимально возможному остатку денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов. Субъекты Российской Федерации объединены в восемь кластеров, близких по уровню рождаемости и материального благополучия семей. Даны общие рекомендации по выбору приоритетов региональной социальной политики. Анализ особенностей порядка предоставления регионального материнского капитала показал, что он трансформируется в единовременное пособие на поддержание текущих доходов малообеспеченных семей.

Выводы. Для обеспечения демографического роста необходима выплата материнского капитала за счет средств федерального бюджета при рождении (усыновлении) каждого ребенка в семье без дополнительных условий вне зависимости от региона проживания. Ключевым приоритетом социальной политики регионов должно стать искоренение бедности среди семей с детьми и поддержка многодетности.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Королева Л.П. Социальная политика регионов: сокращение бедности среди семей с детьми и стимулирование рождаемости // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 10. – С. 1869 – 1893.
<https://doi.org/10.24891/re.18.10.1869>

Постановка проблемы

Важнейшим и обязательным условием обеспечения социальной справедливости является ликвидация крайней формы неравенства – бедности и нищеты, риск возникновения которых увеличивается вместе с ростом числа детей в семьях, особенно в регионах с уровнем дохода на душу населения ниже среднероссийских значений. Неизменно в течение последних двух десятилетий в России семьи с детьми отличаются максимальными рисками бедности, которые, по оценкам Л.Н. Овчаровой, еще в докризисный период (до 2008 г.) были в 2 раза выше среднего уровня бедности по стране [1]. Сокращение бедности среди семей с детьми и стимулирование рождаемости – две взаимосвязанные приоритетные задачи социальной политики государства.

По оценкам Президента России В.В. Путина, демографический рост населения – высший национальный приоритет, а низкие доходы значительной части семей – прямая угроза на пути его достижения. С начала 2020 г. усилена ориентация социальной политики государства на поддержку семей с детьми, на федеральном уровне принят пакет новых мер по стимулированию рождаемости за счет создания условий и возможностей для повышения уровня жизни семей с детьми. Так, увеличены и введены дополнительные единовременные (материнский капитал на первого ребенка) и регулярные выплаты семьям с детьми, дифференцированные в зависимости от возраста ребенка (от рождения до 7 лет), общего числа детей в семье, доходов на одного члена семьи и прожиточного минимума на ребенка в субъектах РФ; анонсировано расширение практики заключения социальных контрактов, увеличение числа мест в дошкольных образовательных организациях, предоставление бесплатного горячего питания учащимся начальной школы¹.

Указанные меры не были анонсированы заранее и явились неожиданностью для органов власти субъектов РФ. Между тем в условиях введения на федеральном уровне дополнительных мер по стимулированию рождаемости и сокращению бедности среди семей с детьми необходимы пересмотр и внесение изменений в социальную политику в регионах страны. Содержательное наполнение требуемых изменений зависит от уровня их социально-экономического развития, плотности населения, особенностей традиционного семейного уклада и других факторов, влияющих на рождаемость и достаток семей. Большинство субъектов РФ не имеют достаточных бюджетных ресурсов для проведения «щедрой» социальной политики, направленной на все категории семей с детьми (молодые, малообеспеченные, неполные и др.), на социально незащищенные категории детей (сироты, инвалиды, находящиеся под опекой и др.). Выбор ключевой задачи социальной политики позволит получить больший эффект за счет оказания федеральным центром

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00756 «Развитие теории и методологии исследования феномена социально-экономического неравенства в контексте неоиндустриальной парадигмы».

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

адресной поддержки нуждающимся регионам и перенаправления региональных бюджетных средств на решение злободневных проблем.

Цели данного исследования – обоснование приоритетов социальной политики субъектов РФ в условиях расширения федеральных мер поддержки семей с детьми на основе анализа зависимости между уровнем их благосостояния и рождаемостью; разработка общих рекомендаций для групп субъектов РФ по ее совершенствованию в условиях бюджетных ограничений.

Обзор литературы

Проблемы бедности среди семей с детьми являются предметом исследования во многих работах зарубежных и российских социологов, экономистов. В зарубежной литературе проблемы рождаемости и бедности семей чаще всего рассматриваются применительно к развивающимся странам. Например, N.M. Birdsall и C.C. Griffin отмечают взаимовлияние высокой рождаемости и бедности семей с детьми в таких странах и регионах, как Китай, Тайвань, Индонезия, Колумбия, Корея, Шри-Ланка, Куба, Коста-Рика [2].

В более развитых странах проблема детской бедности чаще связывается с вопросами занятости родителей и достижением инклюзивного экономического роста. Так, увеличение социальных расходов государства на душу населения связано с уменьшением относительного уровня детской бедности, особенно если 10% самых бедных домохозяйств получают наибольшую часть общих социальных расходов. Основными приоритетами в сокращении бедности семей с детьми в странах Организации экономического сотрудничества и развития являются: обеспечение более качественной и высокооплачиваемой занятости матерей; широкий охват социальной помощью разных категорий нуждающихся семей; реализация комплексной стратегии инклюзивного роста [3].

Кроме того, в последние годы за рубежом новый импульс получили исследования влияния рождаемости на уровень глобальной бедности. Например, F.B. Wietzke доказывает, что на глобальном уровне зависимость между рождаемостью и бедностью не линейна. Сокращение рождаемости может обернуться ростом бедности из-за разницы в рождаемости в бедных и богатых семьях [4]. Данный вывод может существенно изменить социальную политику ряда государств и территорий.

Высокий уровень детской бедности и депопуляция населения в России обуславливают преобладание в российской научной литературе исследований, касающихся факторов бедности семей с детьми и мер по их нейтрализации и стимулирования рождаемости. Так, В.В. Елизаров и А.Л. Сеница к основным факторам, препятствующим повышению уровня жизни семей с детьми, относят число и возраст детей в семье, проживание семьи в сельской местности, число

взрослых в семье, имеющих доходы [5]. Авторы отмечают отсутствие комплексных статистических данных о бедности семей с детьми на региональном уровне, что не позволяет сравнивать регионы между собой [6].

С учетом существенной дифференциации регионов по уровню развития, социальная политика исследуется чаще всего на примере отдельных регионов. Так, в работе Т.Н. Гаврильевой и соавторов высокая рождаемость признается эндогенным фактором бедности в Республике Саха (Якутия), и исследователи предлагают пересмотреть демографические приоритеты социальной политики региона и оценить возможность применения модели безусловного базового дохода в отношении общин коренных малочисленных народов Севера [7]. По мнению М.Е. Баскаковой и соавторов, к наиболее уязвимой категории населения Москвы относятся семьи, имеющие более четырех детей, и исследователи предлагают усилить адресность их социальной поддержки [8]. Напротив, А.А. Ануфриева считает необходимым расширить и четко определить объекты семейной политики в Иркутской области и дифференцировать меры в зависимости от категории получателей поддержки [9].

В контексте сокращения бедности среди семей с детьми довольно редко исследуется такая категория, как материнский капитал. Проведенное Е.А. Гориной исследование механизмов социальной поддержки семей с детьми свидетельствует о высокой востребованности материнского капитала среди жителей регионов с низким уровнем экономического развития, небольших городов и сельской местности, а также о наименьших выгодах для населения крупнейших городов и северных регионов страны [10]. По оценкам Н.А. Кондаковой, существующие единовременные выплаты при рождении ребенка и материнский капитал носят краткосрочный характер и не способны уменьшить масштабы детской бедности [11].

Наиболее изученным является влияние материнского капитала на рождаемость. Оно признается существенным в исследовании В.Н. Архангельского и соавторов, проведенном на примере субъектов Дальневосточного федерального округа [12]. Исследователи Т.Г. Светличная и Л.И. Меньшикова отмечают значимость материнского капитала при принятии решения о рождении ребенка женщинами, в семьях которых финансовых средств «едва хватает от зарплаты до зарплаты» [13]. Отметим, что Е.Е. Гришина и Е.А. Цацура негативным фактором признают низкую осведомленность о программах регионального материнского капитала (РМК) в субъектах РФ [14].

Наиболее фундаментальное исследование проблем сокращения бедности семей с детьми на региональном уровне выполнено группой ученых Высшей школы экономики под руководством Л.Н. Овчаровой по данным выборочного наблюдения доходов населения, проведенного в 2017 г. Регионы были разделены по пяти индикаторам, характеризующим бюджетные ресурсы региона, уровень жизни

населения и демографическую ситуацию. Ученые сделали вывод, что проблема бедности семей с детьми усугубляется в регионах с низким уровнем жизни населения и низкой бюджетной обеспеченностью, а реализуемые меры социальной поддержки не оказывают существенного влияния на уровень благосостояния семей с детьми². Основные тенденции в трансформации социальной поддержки населения в регионах России в условиях давления бюджетных ограничений и установки федерального центра на оптимизацию выделила Е.А. Горина: усиление ее селективности в отношении семей с детьми, особенно многодетных; сокращение численности бенефициаров; отказ от индексации социальных выплат [15].

Отмеченные исследования не касаются перспектив трансформации порядка предоставления материнского капитала на федеральном и региональном уровнях в контексте сокращения бедности среди семей с детьми. Обоснованные нами ранее предложения по совершенствованию порядка предоставления материнского капитала на федеральном уровне в интересах сужения воспроизводства бедности за счет гарантирования минимальных стартовых условий каждому ребенку частично были реализованы с января 2020 г. [16]. В данной статье основной фокус исследования направлен на региональный уровень. Исследование позволит углубить имеющиеся результаты по вопросу гармонизации социальной политики государства на федеральном и региональном уровнях в отношении сокращения бедности среди семей с детьми и стимулирования рождаемости с учетом существующих различий социально-экономической ситуации в субъектах РФ.

Методология

Исследование проведено с применением общенаучных и экономико-статистических методов. В частности, выполнен иерархический кластерный анализ субъектов РФ методом Варда по двум показателям: относительный показатель числа родившихся на 1 000 чел. населения (по данным Росстата) и максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов, рассчитанный экспертами агентства РИА «Рейтинг». Последний рассчитан по данным Росстата путем сложения двух чистых среднегодовых зарплат (без НДФЛ) и вычитания из полученной суммы региональных прожиточных минимумов с учетом категории членов семьи.

Максимально возможный остаток денежных средств скорректирован на величину потребительской корзины региона, чтобы сопоставить субъекты РФ с разным уровнем цен. В качестве меры близости между объектами использовано манхэттенское расстояние, которое является средним разностей по координатам. В большинстве случаев эта мера расстояния приводит к таким же результатам, как и для обычного расстояния Евклида.

² Бирюкова С.С., Горина Е.А., Горяйнова А.Р. и др. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: доклады к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: Высшая школа экономики, 2019. 153 с.

Для анализируемых данных дендрограмма, построенная с использованием квадрата расстояния Евклида, получилась менее наглядной. Кроме того, данные по субъектам РФ существенно дифференцированы. При использовании манхэттенского расстояния влияние отдельных больших разностей (выбросов) уменьшается, так как они не возводятся в квадрат. Стандартизация данных не проводилась, так как ставилась задача установления диапазонов и медианных значений анализируемых показателей для каждого кластера. Для кластеризации использованы данные за 2019 г.

Результаты исследования и их обсуждение

Материнский капитал, введенный в 2007 г. на федеральном уровне и с 2011–2012 гг. в большинстве субъектов РФ, представляет собой смешанную форму социального пособия. Направленность на поддержку семей с детьми позволяет квалифицировать его как семейное пособие, а преимущественное использование на улучшение жилищных условий – как жилищное пособие. Предоставление материнского капитала ориентировано на разрешение дилеммы, связанной со снижением благосостояния семьи при рождении каждого последующего ребенка, что теоретически предполагает его влияние и на рождаемость, и на уровень благосостояния семей с детьми, поэтому материнский капитал получил широкое распространение в субъектах РФ.

Теоретически можно предположить, что величина регионального материнского капитала (РМК) должна быть выше в регионах с низким уровнем социально-экономического развития, где численность постоянного населения сокращается как за счет низкой рождаемости, так и за счет миграции молодежи в более развитые регионы. Однако практика его предоставления субъектами РФ крайне разнообразна и противоречит данному заключению.

Как видно из *рис. 1*, 32 субъекта в 2018 г. выплачивали РМК в размере 100 тыс. руб. и более на одного получателя. Из них в одном субъекте РФ (Ямало-Ненецкий автономный округ)³ величина РМК превышает 300 тыс. руб. и в четырех регионах – 200 тыс. руб. (Ненецкий автономный округ, Кабардино-Балкарская Республика, Хабаровский край, Костромская область)⁴. Из них только в Костромской области рождаемость и благосостояние семей с детьми менее среднего уровня по России. В Кабардино-Балкарской Республике крайне низкий уровень доходов на душу населения, но при этом рождаемость выше средней по стране, то есть максимальный РМК выплачивается в основном в субъектах РФ, не испытывающих острых проблем с рождаемостью.

³ С 1 января 2020 г. величина регионального материнского капитала в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 500 тыс. руб.

⁴ В 2020 г. региональный материнский капитал в Костромской области и в Кабардино-Балкарской Республике не выплачивается.

Поскольку в ряде субъектов РФ величина РМК дифференцируется в зависимости от порядкового номера рождений детей, его средняя величина на одного получателя не выражается «круглыми» цифрами. Так, в Республике Мордовия величина РМК при рождении третьего ребенка составляет 125 270 руб., четвертого ребенка – 150 324 руб., пятого ребенка – 187 906 руб.⁵.

Региональный материнский капитал в сумме 100 тыс. руб. и более на одного получателя выплачивают как слаборазвитые субъекты с низким уровнем рождаемости (Новгородская, Псковская, Орловская, Тамбовская области, республики Мордовия, Карелия и др.), так и без того привлекательные для молодых семей урбанизированные центры (г. Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край), а также семь из десяти субъектов Дальневосточного федерального округа с доходами и рождаемостью выше среднероссийского уровня.

Также 32 субъекта РФ выплачивают материнский капитал в размере от 50 до 100 тыс. руб. (рис. 2). Для регионов с низким уровнем рождаемости и социально-экономического развития (Ивановская, Брянская области, Алтайский край и др.) выплата материнского капитала в таком размере имеет вес только для семей, находящихся на грани бедности и не имеющих иной возможности повысить свой доход.

В 9 субъектах РФ единовременная выплата РМК на одного получателя составляет менее 50 тыс. руб. По нашему мнению, чем она ниже, тем больше вероятность дисфункции РМК как источника инвестиций в человеческий потенциал и трансформации в очередное семейное пособие, выполняющее роль выравнивания доходов многодетных семей, поэтому данным субъектам РФ следует либо существенно повысить величину материнского капитала (Ульяновская, Волгоградская области), либо отказаться от него и направить высвободившиеся средства на иные меры социальной поддержки (Тюменская, Нижегородская области, Красноярский край).

В 2018 г. РМК не предоставлялся только в 8 субъектах РФ: это г. Москва, г. Севастополь, республики Дагестан, Ингушетия, Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Ставропольский край, Пензенская область. Очевидно, что отказ большинства из указанных субъектов РФ от его выплат вполне оправдан по причине высокого уровня среднедушевых доходов или высокой рождаемости (Дагестан, Ингушетия). С 1 января 2019 г. РМК введен в г. Севастополь в сумме 100 000 руб. только для семей с доходом ниже установленного уровня. В остальных субъектах РФ он не был предусмотрен до текущего 2020 г. Кроме того, в 2020 г. РМК не установлен в Вологодской, Костромской области, Забайкальском, Пермском краях, республиках Адыгея, Кабардино-Балкария, Крым.

⁵ Закон Республики Мордовия от 18.10.2011 № 66-З «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Мордовия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/906304182>

Только малоимущим семьям РМК выплачивается в Астраханской (58 764 руб.), Псковской, Ростовской, Челябинской (100 000 руб.) областях, республиках Бурятия, Марий-Эл (50 000 руб.), Калмыкия (100 000 руб.). В Амурской области его могут получить только семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Практика условного предоставления РМК только малообеспеченным семьям еще более стирает границу между его первоначальным предназначением (источник инвестиций в детство) и прочими регулярными семейными и детскими выплатами на поддержку текущего потребления. С 1 января 2018 г. практикуется также предоставление ежемесячных выплат из средств материнского капитала до достижения ребенком возраста трех лет семьям с доходом на одного члена семьи менее 2-кратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в субъекте РФ. По примеру федеральной власти некоторые субъекты РФ ввели для малообеспеченных семей право воспользоваться единовременной или регулярными выплатами из средств РМК до достижения ребенком трех (полутора) лет. Так, в Республике Мордовия предоставляется единовременная выплата в сумме от 5 000 до 7 500 руб. в зависимости от числа детей в семье.

На наш взгляд, данные выплаты из средств материнского капитала способствуют его «проеданию». Особенно это касается неблагополучных семей с неработающими родителями, расходующими полученные ежемесячные выплаты не на нужды детей. Материнский капитал необходимо рассматривать как инвестиции в качество жизни ребенка, источник приобретения капитальных благ (квартира, дом, автомобиль) или услуг, направленных на развитие человеческого потенциала (образование, здравоохранение). Дефицит доходов малообеспеченных семей с детьми необходимо покрывать за счет прочих регулярных семейных и детских пособий.

Проблема в том, что выплата таковых пособий в основном финансируется за счет регионального бюджета, так как семьи с детьми отнесены к категориям граждан, получающих поддержку в соответствии с нормативными правовыми актами и региональными программами субъектов РФ и органов местного самоуправления. Бюджетные ограничения ставят перед властями субъектов РФ довольно сложный выбор: расширить материальную поддержку семей с детьми в форме единовременного РМК или в форме регулярных семейных и детских пособий. Наиболее эффективное решение должно учитывать достигнутые в субъекте РФ величины показателей рождаемости и бедности семей с детьми.

Поскольку масштаб бедности прямо связан с показателями доходов на душу населения, для проведения исследования нами был выбран не традиционный показатель монетарной бедности (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума), а, на наш взгляд, более информативный показатель максимально возможного остатка денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов, рассчитанный экспертами агентства. Для оценки уровня рождаемости использован общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1 000 чел. населения), отражающий плотность

населения региона, в отличие от наиболее распространенного суммарного коэффициента – числа рождений на одну женщину.

Следует отметить, что по показателям за 2019 г., даже очищенным от «выбросов» из ряда динамики (данных по ряду северных субъектов РФ с высокими доходами, но низкой плотностью населения, и городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), а также по ряду субъектов Северо-Кавказского федерального округа с высокой рождаемостью и низкими средними доходами), установить значимую статистическую зависимость между показателями рождаемости и благосостояния семей на мезоуровне не удалось. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что уровень благосостояния семей не единственный (и в ряде субъектов не основной) фактор, оказывающий влияние на рождаемость в регионах.

Для группировки субъектов РФ по уровню благосостояния семей и рождаемости проведена их кластеризация методом Варда (*рис. 3*). По итогам анализа представленной дендрограммы мы предлагаем рассматривать восемь кластеров субъектов РФ, имеющих близкое положение по уровню анализируемых показателей, что позволяет использовать в них схожие меры социальной политики. В *табл. 1* кластеры расположены в порядке повышения величины максимально возможного остатка денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов. Для выделения кластеров использован минимальный шаг по этому показателю (4 тыс. руб.).

Первый кластер образовали национальные республики Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, в которых показатели рождаемости максимальные для России (до 20 чел. на 1 000 чел. населения в Чеченской Республике) в условиях минимального уровня благосостояния семей с детьми (до –1 018 руб. в Кабардино-Балкарии). Исследователь В.Н. Архангельский приходит к выводу, что эффект от введения федерального материнского капитала в регионах Северного Кавказа был более заметным, чем в целом по России: после 2007 г. они опережали другие регионы по рождаемости третьих и последующих детей, но отставали по первым и вторым рождениям [17]. По указанным причинам социальная политика в этих субъектах РФ может не содержать дополнительных мер по стимулированию рождаемости. Действующая практика отказа от выплат РМК, либо его выплата начиная с 5–10 ребенка в семье представляется нам оправданной.

Расширение перечня федеральных мер поддержки окажет положительное влияние на рождение первых и вторых детей. На региональном уровне необходим акцент на меры по поддержке доходов бедных семей с детьми, развитию человеческого потенциала, социальному обслуживанию многодетных семей. Сокращение бедности среди семей с детьми – ключевая задача социальной политики в регионах первого кластера.

В регионах второго кластера при сопоставимом благосостоянии семей уровень рождаемости – минимальный по стране (8–9 чел. На 1 000 чел. населения). Во второй кластер вошли субъекты с самым низким уровнем социально-экономического развития в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах. Вместе с регионами первого кластера они относятся к недостаточно развитым депрессивным территориям.

Поскольку используемый для анализа показатель максимально возможного остатка денежных средств среднестатистической семьи рассчитан для полных семей с двумя детьми, можно предположить, что в отношении многодетных семей (с тремя и более детьми) и неполных семей с двумя и более детьми в субъектах РФ первого и второго кластеров существует риск крайней монетарной бедности (нищеты). Величина показателя благосостояния в данных регионах настолько мала, что при вычитании прожиточного минимума на третьего ребенка она станет отрицательной, то есть среднестатистическая полная семья не сможет содержать третьего ребенка по причине дефицита семейного бюджета. Ключевой задачей социальной политики субъектов РФ, включенных во второй кластер, несмотря на низкий уровень рождаемости, должно быть сокращение бедности среди семей с детьми. Результаты исследований доказывают, что программа материнского капитала приводит к улучшению жилищной обеспеченности семей с детьми, но повышенные риски бедности сохраняются, и велика доля семей, имеющих просроченную задолженность по кредитам, и семей, которые не могут позволить себе полноценное питание [18].

Третий кластер, самый многочисленный, включает 18 субъектов РФ. Для наглядности он разделен на две подгруппы по величине максимально возможного остатка денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов. Однако диапазон этого показателя составляет всего 4 тыс. руб. (от 10 до 14 тыс. руб.). Немного больше величина остатка денежных средств в семьях регионов четвертого кластера: от 15 тыс. руб. до 19 тыс. руб., что также ниже среднероссийского значения. Уровень рождаемости в субъектах третьего и четвертого кластеров в основном попадает в диапазон от 8 до 11 чел. на 1 000 чел. населения.

При появлении третьего ребенка или сокращении числа кормильцев в семьях регионов третьего и четвертого кластера денежный остаток будет достаточен только для удовлетворения минимальных текущих потребностей. Это требует существенных расходов регионального бюджета на социальное обеспечение многодетных семей в виде регулярных и единовременных выплат в денежной и натуральной форме. Кроме того, у семей отсутствует возможность сберегать достаточные средства для осуществления капитальных расходов и развития потенциала детей, поэтому такая мера, как РМК, в этих регионах крайне востребована. Для стимулирования рождаемости в регионах второго, третьего и четвертого кластеров необходим максимальный размер регионального материнского

капитала, а также могут использоваться прочие материальные выплаты при рождении детей. Большая часть субъектов указанных кластеров относится к числу потенциально перспективных депрессивных регионов с разным уровнем дотационности бюджетов, поэтому в них высока потребность в федеральных средствах при проведении региональной социальной политики. Решением может стать выплата РМК в этих регионах за счет целевых федеральных субсидий.

В последние годы расширяется федеральная финансовая поддержка региональных бюджетов при выполнении социальных обязательств субъектов РФ. Особый акцент сделан на регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Однако, как мы видим, большинство регионов 2–4 кластеров нуждается в поддержке из других федеральных округов. Кроме того, в качестве одного из возможных вариантов оживления экономики регионов анализируемых кластеров можно предложить организацию крупных всероссийских и окружных (по федеральным округам) центров для детского отдыха на территориях менее развитых регионов за счет федеральных средств. Как правило, таковые регионы более благополучны с экологической точки зрения. Поток детей из регионов 5–8 кластеров позволит им получить дополнительный доход от детского туризма и повысит шансы в будущем привлечь на свои территории молодые семьи с детьми.

В пятый и шестой кластеры включены субъекты, в которых денежный остаток близок к среднероссийскому уровню (соответственно от 20 тыс. руб. до 23 тыс. руб. и от 24 тыс. руб. до 29 тыс. руб.). В основном это ресурсо- и инфраструктурно-развитые регионы со средним для своих федеральных округов уровнем социально-экономического развития. В них среднестатистическая многодетная семья (с тремя детьми) вполне может обеспечить себе средний уровень жизни, однако рождаемость не существенно отличается от регионов предыдущих кластеров и составляет от 9 до 12 чел. на 1 000 чел. населения.

На основании приведенных данных можно предположить, что уровень бедности среди семей с детьми в регионах пятого и шестого кластеров ниже, чем в регионах первых трех кластеров. Однако скопить достаточные сбережения для капитальных расходов и развития человеческого капитала довольно сложно, и главной задачей социальной политики в этих регионах может быть именно материальное стимулирование рождаемости. Социальная поддержка малообеспеченных семей в таких регионах должна в меньшей степени включать дополнительные регулярные социальные пособия, вызывающие иждивенческое поведение, и в большей степени создавать условия для повышения трудового дохода родителей, в том числе занятости матерей, при условии обеспечения семей качественными услугами дошкольных образовательных учреждений.

Седьмой и восьмой кластеры характеризуются существенным скачкообразным ростом уровня благосостояния семей, а также рождаемостью выше среднероссийского уровня – от 10 до 13 чел. на 1 000 чел. населения. В состав

седьмого кластера вошли густонаселенные развитые регионы, приближенные к урбанизированным центрам (Московская и Ленинградская области); ряд регионов – лидеров в своих федеральных округах (Республика Татарстан, Тюменская область); привлекающие внутренние миграционные потоки, а также не столь населенные, но богатые ресурсами развитые субъекты Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Высокий уровень жизни в данных регионах привлекает молодые семьи и создает необходимую материальную основу для рождения детей. При этом, судя по исследованию Э.Я. Вафина, население положительно оценивает практику предоставления федерального материнского капитала [19], поэтому большинство из регионов седьмого кластера могут отказаться от региональных мер стимулирования рождаемости, в том числе РМК, и ориентировать свою социальную политику на обеспечение доступности для семей с детьми (с низким и средним уровнем дохода) качественных услуг образования, здравоохранения, культуры, спорта и отдыха, цены на которые в развитых регионах, как правило, выше. Кроме того, социальная поддержка малообеспеченных семей должна быть ориентирована на содействие качественной занятости родителей.

На практике с 1 января 2020 г. некоторые регионы, напротив, существенно повысили величину РМК. Так в Тюменской области при рождении и усыновлении первого ребенка теперь выплачивается 150 000 руб., а третьего или последующего ребенка – 100 000 руб.

Данные рекомендации, по нашему мнению, подходят и для городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, входящих по уровню благосостояния семей в восьмой кластер. На 1 января 2020 г. плотность населения Москвы составляла 4 950,44 чел./км², Санкт-Петербурга – 3 847,52 чел./км², а рождаемость – соответственно 10,7 и 10,9 чел. На 1 000 чел. населения, то есть необходимость в дополнительных региональных мерах стимулирования рождаемости отсутствует. Желая получить региональный материнский капитал могут переехать в другие субъекты РФ.

В восьмом кластере все субъекты, кроме городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, представляют Уральский и Дальневосточный федеральные округа и отличаются очень низкой плотностью населения (0,07–3 чел./км²) при самом высоком в стране уровне благосостояния семей с детьми и рождаемости выше среднероссийского уровня.

Социальная политика в регионах Уральского и Дальневосточного федеральных округов должна быть направлена на поддержку молодых семей, проживающих и переезжающих в них на постоянное место жительства при увеличении числа высокотехнологичных рабочих мест. В этих регионах приоритет принадлежит мерам миграционной политики, стимулирующим переселение, поэтому

предназначение РМК может быть единственным – это оплата приобретения жилья или земельного участка.

С 1 января 2019 г. в субъектах Дальневосточного федерального округа также стал дополнительно выплачиваться РМК при рождении второго ребенка в рамках реализации федерального проекта «Финансовая поддержка семей с при рождении детей» национального проекта «Демография» в размере 30% от суммы федерального материнского капитала. С одной стороны, суммарный коэффициент рождаемости в 2018 г. по субъектам Дальневосточного федерального округа составил 1,741, что выше среднего уровня по регионам России (1,549). С другой стороны, в Дальневосточном федеральном округе на 100 рождений приходилось максимальное по России число аборт (58). Лидируют по показателям прерывания беременности Магаданская область (80), Еврейская автономная область (76), Республика Саха (Якутия) (68), Сахалинская область (63), Хабаровский край (62). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что РМК, который в большинстве указанных регионов установлен в размере выше среднего по России, не является определяющим фактором при принятии решения о рождении детей. Субъектам Дальневосточного федерального округа следует обратить внимание на меры социальной политики (в том числе на регулярные выплаты), способствующие сокращению бедности среди семей с детьми, обеспечению более высокого качества жизни семей в период до достижения ребенком 3 лет, когда один из родителей находится в отпуске по уходу за ребенком, а также развитию инфраструктуры для оказания качественных услуг образования и здравоохранения для детей.

Описанные типовые рекомендации по выбору приоритетов социальной политики в регионах должны применяться с учетом специфики каждого отдельного субъекта, особенно имеющих пограничные значения анализируемых показателей в рамках своего кластера. Так, при сравнительно низком уровне рождаемости в соответствующие кластеры вошли Магаданская область (9,1 рожденный на 1 000 чел. населения), Ленинградская область (7,2), Республика Мордовия (7,5), Тульская область (7,6), Воронежская область (8,4). В соответствующие кластеры вошли и регионы с высоким уровнем рождаемости – Чеченская Республика (20), Республика Алтай (13,6), Республика Бурятия (12,7), Республика Тыва (18,6).

Заключение

Практика предоставления РМК в субъектах РФ крайне неоднородна. Его величина не зависит от уровня рождаемости в регионе. Максимальные по стране размеры РМК выплачивают субъекты РФ, не испытывающие острых проблем с рождаемостью (по сравнению со среднероссийским уровнем) и обеспечивающие удовлетворительный уровень благополучия семьи со средними доходами. В то же время во многих субъектах РФ со среднедушевыми доходами и уровнем рождаемости менее среднероссийского РМК выплачивается в небольшой сумме.

В последние годы среди депрессивных регионов получает распространение практика условной выплаты РМК только малообеспеченным семьям. Растет число субъектов РФ, отказывающихся от выплат РМК: в 2018 г. таковых было 9, а в 2020 – 15. Таким образом, РМК трансформируется из стимула для рождения третьего и последующих детей в единовременное пособие на поддержание текущих доходов малообеспеченных семей.

На наш взгляд, определение демографического роста населения как высшего национального приоритета требует полной передачи полномочий по стимулированию рождаемости на федеральный уровень. Как мы обосновывали ранее, для этого необходима выплата материнского капитала за счет средств федерального бюджета при рождении (усыновлении) каждого ребенка в семье, начиная с первенца, без дополнительных условий вне зависимости от региона проживания [17]. Это позволит субъектам РФ отказаться от выплат РМК и направить высвободившиеся средства на искоренение бедности среди семей с детьми, а это единственно важный приоритет социальной политики на мезоуровне в сфере поддержке многодетности.

При сохранении выплат федерального материнского капитала только в отношении первого и второго ребенка в семье необходимы нормы «мягкого» права, содержащие методические рекомендации для субъектов РФ с разным уровнем социально-экономического развития по определению порядка предоставления и размера РМК, оптимального с позиций достигнутого уровня рождаемости и благосостояния семьи со средними доходами, для чего могут быть полезны представленные в статье результаты исследования.

Проведенное исследование позволило разделить субъекты РФ на восемь кластеров в зависимости от уровня рождаемости и благосостояния проживающих в них семей с детьми. Общие рекомендации по выбору приоритетов социальной политики даны в разрезе четырех укрупненных групп субъектов РФ.

Ключевым принципом эффективной социальной политики должна стать четкая целевая направленность мер на решаемую проблему. Материнский капитал, в том числе региональный, представляет собой государственные инвестиции в развитие человеческого потенциала и не может заменить программы адресной социальной поддержки, направленные на обеспечение минимальных социальных стандартов жизнедеятельности.

Таблица 1**Кластеры субъектов Российской Федерации по уровню рождаемости и благосостоянию семей с детьми****Table 1****Clusters of the Russian Federation subjects by birth rate and well-being of families with children**

Номер кластера	Диапазоны показателей	
	Число родившихся за 2019 г. на 1 000 чел. населения	Максимально возможный остаток денежных средств семьи с двумя детьми после минимальных расходов в 2019 г., руб./мес.
1	10–16 (20)	4 000 (–1 018)–9 000 (11 500)
2	8–9	5 000–9 000
3	7,5–9	10 000–12 000
	8 (7,5)–10,5	12 000–14 000
4	8–11 (13,6)	15 000–19 000
5	9 (7,6)–11 (12,7)	20 000–23 000
6	8,5–12 (18,6)	24 000 – 29 000
7	9 (7,2)–13	30 000 – 39 000 (43 000)
8	10,5 (9,1)–13	52 000–89 000

Продолжение

Номер кластера	Субъекты Российской Федерации, объединенные в кластер по уровню рождаемости и благосостояния семей
1	Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Калмыкия
2	Псковская область, Ивановская область, Алтайский край, Брянская область
3	Кировская область, Новгородская область, Смоленская область, Тамбовская область, Орловская область, Курганская область, Костромская область Еврейская автономная область, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Республика Адыгея, Калининградская область, Тверская область, г. Севастополь, Республика Крым, Саратовская область, Республика Мордовия, Владимирская область.
4	Пензенская область, Ставропольский край, Республика Алтай, Чувашская Республика, Ростовская область, Волгоградская область, Рязанская область, Республика Карелия, Краснодарский край, Курская область
5	Хабаровский край, Вологодская область, Омская область, Тульская область, Самарская область, Приморский край, Нижегородская область, Астраханская область, Новосибирская область, Ярославская область, Оренбургская область, Удмуртская Республика, Республика Бурятия, Воронежская область
6	Томская область, Республика Тыва, Свердловская область, Калужская область, Забайкальский край, Челябинская область, Республика Башкортостан, Липецкая область, Республика Хакасия, Пермский край, Белгородская область
7	Камчатский край, Республика Татарстан, Амурская область, Архангельская область (без Ненецкого автономного округа), Кемеровская область, Мурманская область, Иркутская область, Ленинградская область, Красноярский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Тюменская область, Московская область
8	Магаданская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, г. Москва (8)

Примечание. В скобках указаны значения «выбросов» из диапазона показателя для соответствующего кластера.

Источник: авторская разработка по данным Федеральной службы государственной статистики и агентства «РИА-рейтинг»

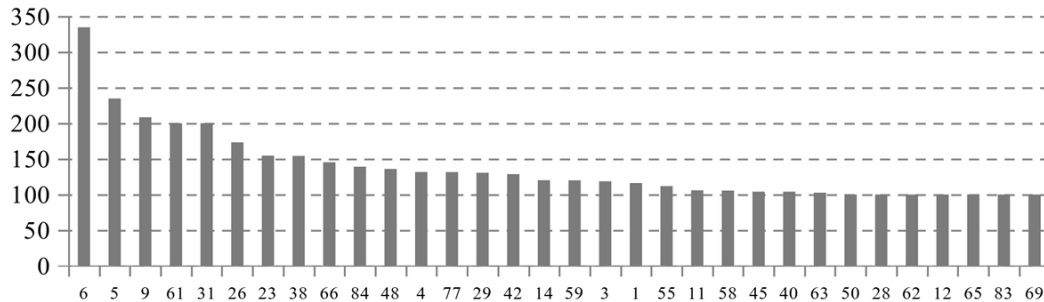
Source: Authoring, based on the Federal State Statistics Service and RIA-Reiting Agency data

Рисунок 1

Размер единовременной выплаты на одного получателя регионального материнского капитала (не менее 100 тыс. руб.) в субъектах РФ в 2018 г.

Figure 1

The amount of a lump sum payment per recipient of regional maternal capital (100 thousand RUB at least) in the subjects of the Russian Federation in 2018

Примечание. 6 – Ямало-Ненецкий автономный округ, 5 – Ненецкий автономный округ, 9 – Кабардино-Балкарская Республика, 61 – Хабаровский край, 31 – Республика Северная Осетия – Алания, 26 – Новгородская область, 23 – Республика Мордовия, 38 – Камчатский край, 66 – Приморский край, 84 – Пермский край, 48 – Республика Саха (Якутия), 4 – Чукотский автономный округ, 77 – Свердловская область, 29 – Орловская область, 42 – Кемеровская область, 14 – Еврейская автономная область, 59 – Краснодарский край, 3 – г. Санкт-Петербург, 1 – Магаданская область, 55 – Ростовская область, 11 – Карачаево-Черкесская Республика, 58 – Республика Карелия, 45 – Ленинградская область, 40 – Амурская область, 63 – Омская область, 50 – Московская область, 28 – Тамбовская область, 62 – Вологодская область, 12 – Псковская область, 65 – Самарская область, 83 – Республика Хакасия, 69 – Новосибирская область.

Источник: авторская разработка

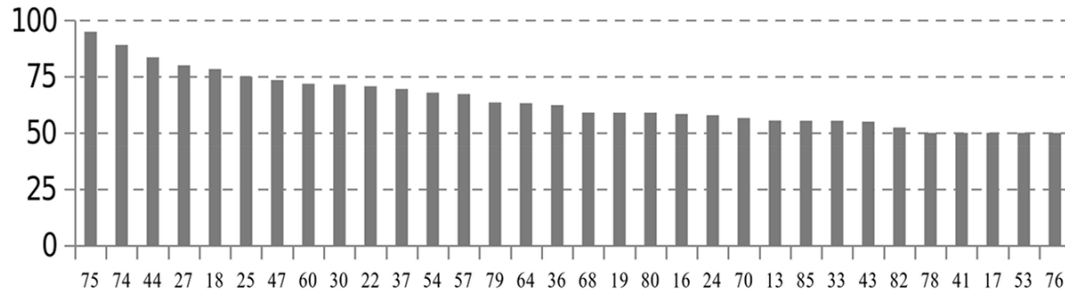
Source: Authoring

Рисунок 2

Размер единовременной выплаты на одного получателя регионального материнского капитала (от 50 до 100 тыс. руб.) в субъектах РФ в 2018 г.

Figure 2

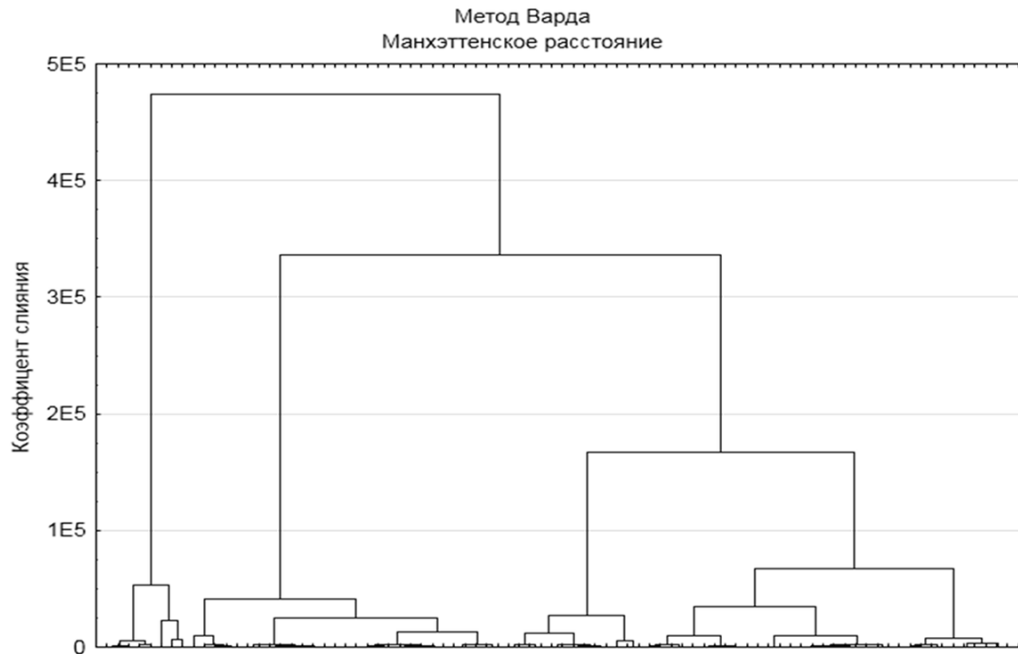
The amount of a lump sum payment per recipient of regional maternal capital (from 50 to 100 thousand RUB) in the subjects of the Russian Federation in 2018

Примечание. 75 – Томская область, 74 – Воронежская область, 44 – Иркутская область, 27 – Смоленская область, 18 – Калининградская область, 25 – Кировская область, 47 – Республика Коми, 60 – Курская область, 30 – Курганская область, 22 – Саратовская область, 37 – Брянская область, 54 – Чувашская Республика, 57 – Рязанская область, 79 – Забайкальский край, 64 – Тульская область, 36 – Республика Калмыкия, 68 – Астраханская область, 19 – Тверская область, 80 – Челябинская область, 16 – Республика Марий Эл, 24 – Владимирская область, 70 – Ярославская область, 13 – Ивановская область, 85 – Белгородская область, 33 – Алтайский край, 43 – Мурманская область, 82 – Липецкая область, 78 – Калужская область, 41 – Архангельская область (без Ненецкого автономного округа), 17 – Республика Адыгея, 53 – Республика Алтай, 76 – Республика Тыва.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 3**Дендрограмма объединений субъектов Российской Федерации в кластеры методом Варда****Figure 3****A dendrogram of clustering the Russian Federation subjects by the Ward's method**

Примечание. На горизонтальной оси обозначены в следующем порядке слева направо: Магаданская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, г. Москва, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Псковская область, Ивановская область, Еврейская автономная область, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Республика Адыгея, Калининградская область, Тверская область, г. Севастополь, Республика Крым, Саратовская область, Республика Мордовия, Владимирская область, Кировская область, Новгородская область, Смоленская область, Тамбовская область, Орловская область, Курганская область, Республика Северная Осетия – Алания, Костромская область, Алтайский край, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Брянская область, Камчатский край, Республика Татарстан, Амурская область, Архангельская область (Ненецкого автономного округа), Кемеровская область, Мурманская область, Иркутская область, Ленинградская область, Красноярский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Тюменская область, Московская область, Пензенская область, Ставропольский край, Республика Алтай, Чувашская Республика, Ростовская область, Волгоградская область, Рязанская область, Республика Карелия, Краснодарский край, Курская область, Хабаровский край, Вологодская область, Омская область, Тульская область, Самарская область, Приморский край, Нижегородская область, Астраханская область, Новосибирская область, Ярославская область, Оренбургская область, Удмуртская Республика, Республика Бурятия, Воронежская область, Томская область, Республика Тыва, Свердловская область, Калужская область, Забайкальский край, Челябинская область, Республика Башкортостан, Липецкая область, Республика Хакасия, Пермский край, Белгородская область.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 4. С. 439–456.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-ekonomicheskii-rost-v-rossii/viewer>
2. Birdsall N.M., Griffin C.C. Fertility and Poverty in Developing Countries. *Journal of Policy Modeling*, 1988, vol. 10, iss. 1, pp. 29–55.
URL: [https://doi.org/10.1016/0161-8938\(88\)90034-8](https://doi.org/10.1016/0161-8938(88)90034-8)
3. Thévenon O., Manfredi T., Govind Ya., Klauzner I. Child Poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to Tackle It. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 2018, no. 218. URL: <https://doi.org/10.1787/c69de229-en>
4. Wietzke F.-B. Poverty, Inequality, and Fertility: The Contribution of Demographic Change to Global Poverty Reduction. *Population and Development Review*, 2020, vol. 46, iss. 1, pp. 65–99. URL: <https://doi.org/10.1111/padr.12317>
5. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 63–75.
URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
6. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 24–33. URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10012>
7. Гаврильева Т.Н., Набережная А.Т., Иванова М.А., Никифоров Ф.В. Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1. С. 38–47. URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10052>
8. Баскакова М.Е., Соболева И.В., Токсанбаева М.С. Бедность среди семей с детьми в Москве: зоны уязвимости и приоритеты городской социальной политики // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 2. С. 164–172.
URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2013-18-164-171r.pdf>
9. Ануфриева А.А. Дифференцированный подход к формированию и реализации семейной политики в Иркутской области // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8 № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsirovannyi-podhod-k-formirovaniyu-i-realizatsii-semeynoy-politiki-v-irkutskoy-oblasti/viewer>
10. Горина Е.А. Общие тенденции и региональная специфика в распоряжении средствами материнского капитала в России // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 111–127. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-2-111-127>
11. Кондакова Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 72–87.

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsialnaya-podderzhka-semey-s-detmi/viewer>
12. *Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г., Елизаров В.В.* Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 2. С. 41–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-razlichiya-rozhdaemosti-na-dalnem-vostoke/viewer>
 13. *Светличная Т.Г., Меньшикова Л.И.* Материнский капитал как экономический фактор формирования социальных ожиданий женщин, имеющих двух и более детей // *Journal of Economic Regulation*. 2017. Т. 8. № 1. С. 85–95. URL: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.1.085-095>
 14. *Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Региональный материнский капитал: анализ региональных различий и влияния на репродуктивное поведение // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 3. С. 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-materinskiy-kapital-analiz-regionalnyh-razlichiy-i-vliyaniya-na-reproduktivnoe-povedenie/viewer>
 15. *Горина Е.А.* Трансформация социальной поддержки населения в регионах России: направления и приоритеты // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 2. С. 163–176. URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-163-176>
 16. *Кормишкина Л.А., Королева Л.П.* Материнский капитал как инструмент перераспределительной политики государства // *Финансовый журнал*. 2019. № 4. С. 24–35. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-4-24-35>
 17. *Архангельский В.Н.* Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 1. С. 57–74. URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74>
 18. *Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Материальное положение семей, использовавших федеральный материнский капитал // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2018. № 9. URL: <http://uecs.ru/demografiya/item/5105-2018-09-13-12-10-15>
 19. *Вафин Э.Я.* Эффективность программы «материнский капитал» в глазах населения и отношение к альтернативным мерам государственной поддержки семей // *Научный Татарстан*. 2018. № 3. С. 17–22.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

SOCIAL POLICY OF THE REGIONS: REDUCING POVERTY AMONG FAMILIES WITH CHILDREN AND STIMULATING FERTILITY

Lyudmila P. KOROLEVA

National Research Ogarev Mordovia State University (MRSU),
Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation
korol.l@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8375-8524>

Article history:

Article No. 472/2020
Received 11 August 2020
Received in revised form
23 August 2020
Accepted 16 Sept 2020
Available online
15 October 2020

JEL classification: I32,
I38, R23, R28

Keywords: poverty,
families with children,
birth rate stimulation,
social policy, regional
maternity capital, child
allowance

Abstract

Subject. This article analyzes the differentiation of the subjects of the Russian Federation in terms of fertility and material well-being of average-revenue families with children, and considers maternal capital as a regions' social policy aspect.

Objectives. The article intends to justify the priorities of the Russian Federation subjects' social policy in the context of the expansion of federal subsidies for multiple-child families, based on an analysis of the relationship between the well-being of families and fertility. It also aims to develop general recommendations for groups of actors to improve social policy in the face of budgetary constraints.

Methods. For the study, I used general scientific, economics and statistics methods of research.

Results. Combining the subjects of the Russian Federation in eight clusters, close in birth rate and material well-being of families, the article offers general recommendations on the choice of priorities of regional social policy. The article shows that maternal capital gets transformed into a lump-sum benefit to support the current revenues of low-income families.

Conclusions. To secure demographic increase, maternal capital must be paid from the Federal budget at the birth (adoption) of each child in the family without additional conditions, regardless of the region of residence. The eradication of poverty among families with children and support for multi-child parenting should be key priorities of the social policy of the regions.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Koroleva L.P. Social Policy of the Regions: Reducing Poverty among Families with Children and Stimulating Fertility. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, vol. 18, iss. 10, pp. 1869–1893.
<https://doi.org/10.24891/re.18.10.1869>

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), science project № 18-010-00756, *Developing the Theory and Methodology to Study the Phenomenon of Socio-Economic Inequality in the Context of the Neo-Industrial Paradigm*.

References

1. Ovcharova L.N. [Poverty and economic growth in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* = *Journal of Social Policy Studies*, 2008, vol. 6, iss. 4, pp. 439–456. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-ekonomicheskiy-rost-v-rossii/viewer> (In Russ.)
2. Birdsall N.M., Griffin C.C. Fertility and Poverty in Developing Countries. *Journal of Policy Modeling*, 1988, vol. 10, iss. 1, pp. 29–55. URL: [https://doi.org/10.1016/0161-8938\(88\)90034-8](https://doi.org/10.1016/0161-8938(88)90034-8)
3. Thévenon O., Manfredi T., Govind Ya., Klauzner I. Child Poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to Tackle It. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 2018, no. 218. URL: <https://doi.org/10.1787/c69de229-en>
4. Wietzke F.-B. Poverty, Inequality, and Fertility: The Contribution of Demographic Change to Global Poverty Reduction. *Population and Development Review*, 2020, vol. 46, iss. 1, pp. 65–99. URL: <https://doi.org/10.1111/padr.12317>
5. Yelizarov V.V., Sinita A.L. [Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* = *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2019, no. 2, pp. 63–75. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
6. Yelizarov V.V., Sinita A.L. [Poverty of families with children: problems of definition and measurement, regional characteristics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* = *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2018, no. 2, pp. 24–33. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10012>
7. Gavril'yeva T.N., Naberezhnaya A.T., Ivanova M.A., Nikiforov F.V. [Poverty factors in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* = *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2019, no. 1, pp. 38–47. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10052>
8. Baskakova M.E., Soboleva I.V., Toksanbaeva M.S. [Poverty among Moscow families with children: vulnerable zones and priorities of city's social policy]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* = *Journal of the New Economic Association*, 2013, no. 2, pp. 164–172. URL: <https://www.econorus.org/repec/journl/2013-18-164-171r.pdf> (In Russ.)
9. Anufriyeva A.A. [Differentiated approach to formation and implementation of family policy in Irkutsk oblast]. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsirovannyi-podhod-k-formirovaniyu-i-realizatsii-semeynoy-politiki-v-irkutskoy-oblasti/viewer>

10. Gorina E.A. [General trends and regional specifics in the maternity capital disposal in Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 111–127. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-2-111-127>
11. Kondakova N.A. [Modern social support for families with children]. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*, 2015, no. 3, pp. 72–87.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsialnaya-podderzhka-semey-s-detmi/viewer> (In Russ.)
12. Arkhangel'skiy V.N., Dzhanaeva N.G., Yelizarov V.V. [Regional differences in fertility in the Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2017, no. 2, pp. 41–50.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-razlichiya-rozhdaemosti-na-dalnem-vostoke/viewer> (In Russ.)
13. Svetlichnaya T.G., Men'shikova L.I. [Maternity capital as an economic factor, forming social expectations of women with two or more children]. *Journal of Economic Regulation*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 85–95. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.1.085-095>
14. Grishina E.E., Tsatsura E.A. [Regional maternal capital: analysis of regional differences and influence on fertility behavior]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2017, no. 3, pp. 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-materinskiy-kapital-analiz-regionalnyh-razlichiy-i-vliyaniya-na-reproduktivnoe-povedenie/viewer> (In Russ.)
15. Gorina E.A. [The transformation of social assistance policies in the Russian regions: trends and priorities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 163–176. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-163-176>
16. Kormishkina L.A., Koroleva L.P. [The maternity capital as a tool of State redistribution policy]. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2019, no. 4, pp. 24–35. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-4-24-35>
17. Arkhangel'skii V.N. [Fertility dynamics in the North Caucasus: do maternity subsidies make a difference?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 57–74. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74>
18. Grishina E.E., Tsatsura E.A. [Material situation of families who used federal maternity capital]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2018, no. 9. (In Russ.) URL: <http://uecs.ru/demografiya/item/5105-2018-09-13-12-10-15>

19. Vafin E. Ya. [The effectiveness of the program "maternity capital" in the eyes of the population and the attitude to alternative measures of State support for families]. *Nauchnyi Tatarstan = Scientific Tatarstan*, 2018, no. 3, pp. 17–22. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.